

18+

ЛЮДМИЛА РОМАНОВА

Детство Лапиндрожки

МЕМУАРЫ 1949–1955 ГГ.

Людмила Романова

**Детство Лапиндрожки.
Мемуары 1949–1955 гг.**

«Издательские решения»

Романова Л.

Детство Лапиндрожки. Мемуары 1949–1955 гг. / Л. Романова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907988-6

Детство не вернешь, но его можно вспомнить, и снова попасть в тот мир, где есть папа с мамой, где тебя любят, и где ты учишься жить. Книга не только о ребенке, но и о взрослых, и вообще о жизни.

ISBN 978-5-44-907988-6

© Романова Л.
© Издательские решения

Содержание

ИЛЬИНКА	6
Когда лучше родиться, конечно весной, а то жди потом, когда она наступит	6
Я родилась меченой, зато, не потеряюсь	10
Ненила-Фифила и хитрая бабушка	12
Крестины, красный капюшон и обезьянка	14
Ходики с котенком, или мой первый урок сообразительности	15
Где птичка или самонадеянные взрослые	17
Дебют красного капюшончика и журнал «Огонек»	19
Мамочка и воспитание самостоятельности	24
Спички детям не игрушка	25
Все надо делать сегодня и не откладывать на завтра	30
Прощай ильинка	32
ЛУКОЯНОВ	38
Зима, крестьянин, торжествуя	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Детство Лапиндрожки Мемуары 1949—1955 гг. Людмила Романова

Людмила Романова *Иллюстрация на обложке*

© Людмила Романова, 2018

ISBN 978-5-4490-7988-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Для каждого человека жизнь начинается с того момента, который он помнит первым. Ведь если нет воспоминаний, и на экране памяти пустота, то и тебя, как бы, еще нет. По крайней мере, ты этого еще не осознаешь».

ИЛЬИНКА

Когда лучше родиться, конечно весной, а то жди потом, когда она наступит

Это был март. Начало весны! Солнце светило так ярко, что на снежок было больно смотреть, а сосульки таяли, таяли, становясь все более острыми и прозрачными.

На окошке стояла стеклянная банка с веточками вербы и тополя, и еще старая кастрюлька с посеянным в ней овсом. Ведь, пасха была не за горами. А Надя хотела сделать так, как делала раньше ее бабушка Поля. В эту молодую зеленую травку она клала крашеные разноцветные яички. Это была старая традиция, еще со времен ее бабушки.

Веточки вербы уже выпустили свои меховые шарики, а набухшие почки тополя, сладко пахли, подогретые ярким солнышком. Казалось, что распахни окно, и в комнату влетит легкий весенний ветерок. Но, эта иллюзия существовала дома, где топились печка. А, на улице, природа напоминала мудрую пословицу: «Марток! Надень семь порток!»

И все же, это начиналась ВЕСНА!

Надя подошла к гардеробу, и достала оттуда сверток с приданным для ребеночка, который должен был скоро родиться. Она положила сверток на кровать, и еще раз перебрала вложенное в него барахлишко. Ватное одеяльце, кофточки и шапочка с помпончиком.

– Вер, правда красиво?! – показала она сестре пододеяльник с кружевами, которые связала ее мама, Мария Ивановна.

– Красиво, красиво! – весело сказала Вера, собирая мусор в ведро. – Скоро моему Витальку приятель будет. Мы ему потом еще красивее костюмчик свяжем!

– А вдруг, девочка? – улыбнулась Надя.

– Мальчишки лучше, – засмеялась Вера. – С ними проблем меньше. И в жизни им все проще! Войны теперь не будет, а остальное пустяки. Надя, посмотри за Витальком, а я вынесу ведро, – сказала Вера, выбрасывая в него ненужные остатки еды.

– Так хотелось все начать сначала. Если бы не это, – Надя показала на живот, нипочем бы не помирилась с Петькой.

– Э, Надя! Пробросаешься! – сказала Вера, быстро сменив смеющееся лицо, на очень серьезное, какое делал врач на обходе больных в санатории, где Вера работала нянечкой. – Ты еще не знаешь, что такое жить без мужа. Каждая замужняя кикимора, на тебя свысока смотреть будет. Я уже это прошла, когда от Соколова из Новосибирска уехала. Была жена летчика! Все завидовали. А как ушла от него, так изподтишка злорадствовали.

А мужики? Когда ты замужем их полно, а как одна, то куда-то все деваются. Держись за своего Гаврилыча. И никому ничего не рассказывай. И плохое и хорошее, все между вами. Люди, знаешь какие ехидные. В глаза посочувствуют, а за глаза осудят. Мой Пашка, хоть и скандалист....

– Ой, Павличек пришел! – Вера, быстро сделав радостное лицо, отчего на лице у нее появились две круглые щечки, носик взглянул вверх, а черные глаза, засмеялись добрыми лучиками, подбежала к мужу и поцеловала его. – А у нас все готово, раздевайся, садись, сейчас есть будем.

– Тещи еще нет? – спросил Павел, жилистый тридцатилетний мужчина с худым скуластым лицом и небольшим шрамом на щеке. (Сейчас бы сказали, – вылитый Шварцнегер!)

Он снял пальто и, приведя перед зеркалом в порядок свой шикарный черный чуб, достал пакет с конфетами из авоськи.

– Чио-Чио-Сан и Весна! – прочла Надя на фантиках. – Вот как хорошо, чаек попьем!

– А вон и мать бежит! – заглянула Вера в окошко. – Я быстро, только ведро на помойку отнесу, – весело сказала Вера и, набросив на себя пальто, вышла из двери.

– Ну, все в сборе. Будем праздновать восьмое марта, – сказала Вера, вернувшись в дом.

– Зятек! Открывай водочку, – сказала Мария Ивановна, раздевшись и сядя за стол. – Замерзла, пока добежала.

Мария Ивановна поправила свой пучок, заколов его шпилькой, и положила рядом с собой пачку сигарет.

– Вер, достань из сумки, я там немножко рокфора принесла. Пашка его любит.

Мария Ивановна и сама была еще очень молоденькой и красивой. Ей было всего сорок один год. У нее были медленные движения и тихий голос. Густые черные волосы и карие глаза. Вера была похожа на маму. А Надя на отца и его родню. Пепельные волосы и серые глаза. Хотя незнакомые люди их почему-то путали.

Павлик, прищурив глаза, как будто, хотел очень сильно досадить бутылке, с которой срывал закупорку, запел песню,

– Броня крепка, но руки наши си-ильны...

– Я не буду, сказала Надя, отодвигая маленькую граненую рюмочку. Я лучше селедочки съем и немножко холодца.

– А я капустки, люблю провансаль! – Вера, наложила себе в тарелочку капусту и кусочек ливерной колбаски. – А тебе, Павличек, чего положить?

– А мне вот этот кусочек зеленого си-иру, с тухлинкой, – протянул к нему вилку Паша. – Спасибо теще, принесла мой любимый.

Виталик заорал, проснувшись, и Вера вышла из-за стола, чтобы перепеленать его и покормить.

А давайте споем, песню, какую наш отец любил, – сказала Надя, взяв руки гитару, – Виталек проснулся, теперь можно. –

– Да пойте, Виталька музыку любит. Правда, Виталек? – Вера села за стол, взяв Виталика на руки.

– Липа вековая надо мной шумит... – Однозвучно гремит колокольчик... – пели они.

Виталик таращил свои огромные глаза на струны и гугукал.

– Музыкант будет, – сказала Мария Ивановна, смотри, как на музыку реагирует.

– Вырастет, мы его в музыкальную школу отдадим, – Вера поцеловала Виталика. – Купим ему аккордеон! Скорее бы вырос, а то ночью спать не дает, устала.

– Э, не успеешь оглянуться, как вырастет. Я когда вас родила, то вы такие маленькие, такие дохленькие были, умещались в коробке из-под ботинок. Горячей воды нет, сушить пеленки негде. Вот, когда был кошмар. А мне-то всего семнадцать! Я сама еще девчонка. А теперь, вот уже, сколько лет прошло, – не меняя выражения лица, сказала Мария Ивановна.

– Да! – сказала Надя и заиграла: «когда я на почте служил ямщиком...»

– Был молод, имел я селедку... – запел Паша.

– Мам, а ты помнишь, как бабушка Маша скормила нам картошку, которую наш кот обоссал, – засмеялась Вера.

– Кот Васька наглый был, все метил. А ботинок сколько испортил! – Мария Ивановна, сдержано улыбаясь, подошла к форточке и закурила сигарету.

– Мать его гоняла, – Шут те дери! Веником его. А он ее не очень-то боялся. Ему хоть бы что, удерет на другое место, и нагло так сядет, морду лапой умывает.

Вы слышали, что картошка испорченная, орете, – мы такую картошку есть не будем. Выброси ее.

– Выброшу, выброшу, – пообещала мать. Я сегодня новую куплю на базаре.

Вот мы уже неделю прожили, едим, едим, а картошка, которую мать заново купила, все не кончается, – продолжила Мария Ивановна. Я и говорю, – мать, может, ты нам сегодня ту, обоссаную сварила? И тарелку отодвинула.

– Ту!?! – сделала удивленное лицо бабушка. Так, ту, вы уже давно съели!

Мария Ивановна хитро улыбнулась, вспоминая свою маму и тот день, и стала похожа на девочку, которая напраказила.

– Ну, и правильно сделала, – засмеялась Вера. – Время было тяжелое, картошку выкидывать нельзя было, тем более, мы и не заметили! Подумаешь кот, он же свой, а потом может он и промахнулся?!

– Я бы этого кота! – показал Павлик руками...

– Сказал бы ты это при нем! – усмехнулась Мария Ивановна. – Один наш сосед, как-то раз, пришел к нам в гости. А кот на стуле сидел. А ну кыш, сказал сосед очень грубо и треснул кота. Тот тихо взвизгнул, отпрыгнул и сел в другом месте, он умыл свою морду лапой и, казалось, заснул на печке. И, лишь иногда, когда сосед слишком громко говорил, он открывал глаза и смотрел в нашу сторону. Бабушка Маша соседа оговорила, что мол, зачем он кота стукнул.

– Вот еще, с крысами буду церемониться, – ответил сосед. – Я бы их всех придушил!

– Этот сосед потом долго к нам не приходил. Мы его, не очень-то привечали. Но, вдруг, появился.

Кот сидел на печке. Увидев соседа, он сразу прижал уши, и шерсть у него встала на спинке дыбом. И молниеносно как на соседа спрыгнет, и в шею ему вцепился. Тот заорал, кота сбросил и бежать. Вот как! Сколько времени помнил, и отомстил!

– Я бы ему шею свернул, – скрипнул зубами Павлик, он делал так, когда злился, а тетя Вера просила его не делать этого, но сейчас она смолчала, сделав вид, что не заметила.

– Этот кот у нас двадцать лет жил, – невозмутимо продолжала Мария Ивановна, не обращая внимания на зятя. – Умный был! В двадцатом, когда все по карточкам было, на рынке плоховато, коту мало чего дома перепадало. Но, ему проще. Мышей полно, он удерет на улицу, в подвал залезет, вот и сыт. Иногда нам мышку принесет. Проснемся, а около кровати мышьдохлая лежит, а он рядом на тряпочке спит.

Потом, он видно понял, что мышей мы не едим, и однажды, долго его не было. Мы уж подумали, что с Барсиком что-то случилось. И вдруг, смотрим, по крыше наш кот идет и в зубах, что-то тащит. Прямо волочит.

– Шут те дери! Чегой-то он, может крысу удумал нам на обед тащить?! – всплеснула мать руками и побежала ему дверь открыть. Рада, что кот нашелся.

Кот и вошел в дверь, да так важно, и положил перед столом круг краковской колбасы!

– Боже ты мой! Да где ж ты спер ее?! – удивился отец, рассматривая колбасу. – Точно, в колбасной лавке!

– Мать, как ты думаешь, может, вернем? А то не дай Бог, еще на нас подумают! Да и можно ли ее есть? – с сомнением спросил отец.

– Да вроде в шкурке, не испорченная. Сварим, вот и нормальненько будет, – посмотрела на колбасу мать. – Возвращать!? Кот старался, а ты возвращать! Сегодня вечером праздник устроим!

– Ну что, Барсик, а тебе кусочек отрезать? – мать погладила кота, а тот на коврик ушел и заснул, уработался, полкило в зубах по крышам таскать. Лавка-то на соседнем переулке была. Но, шкурку ему и шей оставили. Он ведь такой был, ел все подряд, даже соленые огурцы. Вот какой кот! Так, что за картошку его ругали не очень.

– Краковской, и я бы съел, – заметил Павлик. – Где бы нам такого кота раздобыть?

– Мать, а помнишь, как мы с тобой в войну за дровами ползали, и как ты застряла, – засмеялась Надя, отложив гитару и взяв из вазочки конфетку.

– В войну холодно было, дров нет, ты в Новосибирске, отец на фронте, а мы с матерью здесь одни. Уже все что можно и нельзя сожгли. Даже книги. Как жалко было словарь немецкий! Толстенный, на двадцать тысяч слов! Мне его еще Николай Карлович Фон Мекк подарил, когда мы в Прозоровке на его даче жили.

– На тебе, Надечка, словарь, – говорит. – Учи язык, а потом, как дедушка Карпинский, академиком станешь, – вспомнила мама. – Он меня любил. Всегда что-нибудь подарит. Такой хороший человек был! Но, в 29 его расстреляли. Помнишь, мы с тобой у него на даче клад закапывали? – спросила она Веру. Так вот в тот день он и не пришел домой.

– А я его совсем не помню, – сказала Вера. Мне же было тогда года три.

– Надька, я застря-я-яла, – тихо проговорила Надя, подражая дрожащему тоненькому голосу бабушки. – Тяни меня, я ника-ак.

Все снова засмеялись. Потому что эту историю знали все..

– Вам смешно, а я думала так и замерзну в снегу. Так меня утром с поличным и найдут! Я уж Николаю Угоднику молиться стала, – взяла пачку сигарет Мария Ивановна.

– Била би водка и хвост селедки... – пропел дядя Паша, специально коверкая слова, наливая себе еще стопочку.

И, тут, наверное, мне тоже очень захотелось поесть. Мне захотелось в эту веселую компанию, голоса которой, я слышала и узнавала. Чего-то мне не хватало, и перестало быть удобно, в этом мире, в котором я росла уже несколько месяцев. Я очень захотела посмотреть, над чем, так весело смеются там за столом, и что такое капуста и конфетка.

– Что-то живот очень схватывает. Может ничего, просто так? – сомневаясь, спросила Надя, и скорчилась.

– Да, нет Надечка, наверное, это схватки! Озабоченно посмотрела на нее Вера. – Давай, давай одеваться. Чего тянуть. Это не отложишь! Вторые роды быстрее.

– Надька, давай девочку, – сказала Мария Ивановна, вставая к печке спиной. – Завтра я к тебе зайду в больницу.

– Кого Бог даст – сказала Вера, улыбаясь, – лишь бы все нормально было.

А сама обиделась, потому что у нее был мальчик. Вера часто обижалась, и при всей своей улыбчивости была пессимисткой.

У Нади были грустные глаза, даже когда она смеялась, но при этом, она была оптимистка. И старалась никогда не унывать, так учил ее отец.

– Ой, помру, не дойду, вдруг выскочит? – стараясь показаться веселой, охнула Надя.

– Надя, не говори глупости, успеем. Еще часа два в запасе есть. Пока схватки учащаются, дойдем. За минут двадцать. Вера училась на медсестру и работала в санатории, поэтому она знала, как обращаться с больными. И ей очень хотелось быть врачом.

Пройдя просеку, и перейдя насыпь запасной железной дороги, а потом, пройдя по снежному полю, они благополучно прибыли в больницу Колонца, где среди других отделений было и родильное.

Я родилась меченой, зато, не потеряюсь

И через час, я не просто родилась, я выскочила, как пробка от шампанского, так рассказывала моя мама. И было это 8 марта 1949 года. в восемнадцать часов. Год Быка и месяц Рыб.

В воздухе пахло весной, этот запах шел от растаявшего снега, от стволов сосен, нагретых на солнце, от голубого фарфорового неба. Кричали вороны, стаями летая в небе, коты жмурились, сидя на заборе, ручейки бежали весело журча. Все только начиналось, и впереди было столько! И обманщик Апрель, и веселый Май, и теплый Дождь по просекам, и запах флоксов и золотых шаров, и красные гроздья бузины... И еще столько всего! И все это было теперь и для меня!

– Что это у нее? – спросила мама, увидев на моем безымянном пальчике красное пятнышко в форме маленького сердечка.

– Наверное, вы упали во время беременности, сказал доктор. Вспоминайте! Но, ничего страшного. Зато, теперь она у вас меченая.

– И, правда! Теперь я ее не потеряю, узнаю по пальчику, – обрадовалась мама, вдруг вспомнив, всякие страшные рассказы про потерянных детей.

– Да что вспоминать!

– Вы знаете, моего брата Володю, когда ему было всего четыре годика, украли цыгане! – сказала она тоном смеси загадочного и победного, отчего, казалось, что она эту историю просто придумала.

– Он с тетей Зиной на Каланчевке жил, там же рядом вокзал... Вот тетя идет один раз, смотрит девушка молодая с маленьким ребенком, сидит плачет и ребенок заливается.

– Что случилось? – спрашивает.

– Ну, та ей нажаловалась, – и есть нечего, и не знает где с ребенком спать, и денег у нее нет, обокрали. Хотела на работу устроиться в Москве, и вот так попалась.

Тетя, такая женщина добрая. Пойдемте, говорит ко мне. У меня много нет, но ребенку поесть придумаем, и переночуете, а потом может, куда на работу устроитесь, там вам и общежитие дадут, и ясли. Женщине с ребенком помогут.

Взяла она их к себе. Они переночевали, а утром, тетя Зина оставила с ней своего Володю, и пошла в магазин, купить поесть. Всего-то, только вниз спустилась, гастроном был в этом же доме в полуподвале. А когда вернулась ни вещей, ни Вовочки!

Тетя Зина, так переживала, боялась, что его изуродуют, чтобы он потом просил милостыню. А он у нас такой красивенький был. Так вот, милиция спрашивала, нет ли каких особенных примет. Но, их не было. Несколько недель искали, нигде нет!

– Ну и что, так и не нашли? – спросила доктор, и настроившиеся на интересный рассказ женщины.

– Нашли! – победно сказала Надя. – Наш сосед работал машинистом на Казанской дороге. И вот он едет, смотрит, по путям цыгане перебираются, а с ними маленький мальчик.

– Так это ж наш Володя! – увидел он. – Вот, гады! Сейчас уйдут, и уже не найдем ребенка!

Он даже поезд остановил, на свой страх и риск. Выскочил и у цыган его выхватил. А они, конечно, не ожидали такого. Тянут его за рукав, отдавать не хотят! Разорались! Хорошо, что к нему на помощь его помощник выскочил с ломом. Испугались! Проклятий вслед наслали, и удрали со своими мешками.

Доктор недоверчиво покачала головой, не зная, как отнестись к этому рассказу, как к сказке или правде.

– Ну, о плохом думать не будем, мамочка. А пятнышко даже красивое. Но, лучше его не травмировать, и не выводить. Пусть так живет. Хуже если бы в другом месте было. Бывает,

что родинка на половину лицо накрывает, вот тогда проблемы... А, у вашей, как маленькое колечко, с рубином, – сказала доктор, уходя из палаты.

Мама посмотрела на мою еще страшенькую мордочку, удивилась на густые черные с красным отливом волосы, на мои пальчики и носик.

– Совсем другая! – подумала мама, вспомнив своего первого ребенка, который умер в роддоме. – Вовочка, наверное, был бы похож на меня, а у этой Лапиндрожки носик точно, как у Петьки – подумала мама. – Зато теперь не откажется, иронично подумала она. – Точная копия Петра Гавриловича!

– Надь, расскажи еще чего-нибудь, – попросили женщины, – у тебя это так складно получается.

– Ну ладно! Слушайте... В одной мастерской сидел сапожник. Это было очень давно, в 1886 году, в Москве...

На следующий день я показалась маме не такой уж некрасивой.

– Хорошенькая, – думала мама. – Вырастет, еще лучше будет. А я ей буду платишки шить, бантики завязывать. И мама представила, как она гуляет по Москве с девочкой, которой уже лет пять. А потом я катаюсь на трехколесном велосипеде, а на ножках у меня белые гольфики и сандалики... И все говорят, – какая у вас хорошенькая дочка!

– Моя Лапиндрожка – лучше всех, – решила мама, посмотрев на других детей в палате.

А я уже забыла, зачем я поспешила на этот свет. Потому что, слишком много новых ощущений окружили меня, и мне было интересно все!

Ненила-Фифила и хитрая бабушка

– Неонила... Феофила... – листала мама книжку – святцы, подбирая для меня имя, потому что скоро нужно было идти регистрировать мое рождение.

– Ишь, чего выдумывает?! – возмутилась бабушка. – Феофила! Ты что хочешь, чтобы ее потом все дразнили. Нинила, фифила! По-русски надо назвать.

– Ну, например? – высокомерно спросила мама, подняв свой носик и брови.

– Например, Людми-и-ила! – спокойно, дрожащим сказочным голоском, сказала бабушка. – Людмила! А то Неонила...

– А мне кажется, очень красиво, – сказала мама. – Не хочу ни Танек, ни Нинок. Это слишком просто. Моя должна быть с необычным именем. Эльвира, Элеонора... Конкордия...

– Ну, ну, – сказала бабушка. Может, еще чего придумаешь. И саркастически улыбнулась. – В церковь схожу, батюшка посоветует, подумала она, но ничего не сказала.

А на следующий день, она вместе с Павликом пошла в Поссовет. И оставив его там, сказала, как назвать ребенка. А сама пошла в церковь. Павлик получил свидетельство о рождении, где я была названа Людмилой.

– Ну, зачем, я же просила Неонилу, – на лице мамы появилась обреченная улыбка.

– Ну что ты, Надечка! Людмила, это же так красиво. Это обозначает – Людям милая. Можно звать Людочкой, можно Милой, – сказала Вера.

– Я буду звать ее Люсенька, – сказала мама, подумав и согласившись, что имя красивое. Люсенька – малюсенька.

Но, это было не последней новостью. В свидетельстве о рождении была допущена ошибка, вместо 8 марта, работник Поссовета написала 18 марта! Сначала этого не заметили, потом расстроились, а потом подумали, что так даже лучше. И теперь у меня будет, как у всех праздник 8 марта. И день рождения 18 марта. В день Парижской коммуны!

Вот и изменилась моя судьба! Как бы сейчас сказали астрологи! И за счет имени, и за счет даты рождения. А то, была бы я сейчас Неонила Петровна, родившаяся 8 марта 1949 года!

А потом с этой попутанной датой рождения были проблемы, тогда, когда их и не ждали. Но, это было далеко-далеко от этого дня. И никто, ни о чем тогда не подозревал.

Папа, узнал о моем рождении, находясь в Козьмодемьянске, где он работал в театре, и куда мама отказалась поехать, вспоминая свою кошмарную жизнь в Туле. Они даже поссорились и решили развестись. Но, потом мама узнала, что беременна, и сначала не хотела говорить об этом папе, потому что ссора была серьезной, и оба они уже имели другие планы на будущее, но жизнь все снова спутала, сделав как было нужно ей.

Папа взял отпуск на недельку, потому что не мог порвать репертуар театра, ведь все главные роли держались на нем. Купил трехколесный велосипед, кровать с сеточкой и приехал в Ильинку посмотреть на меня.

– Петечка приехал! – заворковала, улыбаясь, Вера. – Раздевайся. Надя с Люсенькой в поликлинику пошла. Скоро придет. А я тебя сейчас чаем напою.

Тетя Вера засуетилась, поставила на керосинку чайник и достала хлеб с сахаром. – А все придут, есть будем. Супчик готов. А потом я за Витальком в ясли схожу. Посмотришь на него.

– Посмотрим на племянника, – улыбнулся папа. – А я, вон там, в авоське колбасы купил и сало. Плавленные сырки и рыбка с Волги, вяленая. Доставай.

– Вот хорошо. Сейчас и Павлик придет. Вот пир будет! Дочка у тебя Петя вылитый ты. Вот только, слабенькая родилась.

– Ну и как моя?

– Петя, не ругайтесь вы больше. Ведь теперь у вас дочка, ей отец нужен, и Наде трудно, худая совсем, зеленая. Не ругайтесь! Будь умнее. Ты же старше!

В коридоре послышался стук шагов. И вошла мама с ребенком.

– Ух, устала, тяжело тащить по лесенке!

– Ну, показывай, что там у нас родилось, – улынулся отец, подходя к ней.

– Сейчас, разденемся, и посмотришь. Вот, какая у нас Люсенька! Мама развернула одеяльце. – Ну как! Хорошенькая?

– Да чего там видно? Нос мой. Отец, удовлетворенно, хмыкнул. – Люлька моя!

– Вылитый ты. И характер такой же напористый, – поддакнула мама.

– Вон велосипед ей привез, и еще кровать. Такая интересная! С сеточкой, никуда не выпадет! – похвастался папа.

Старое было забыто. И снова за столом сидели все вместе, и отец пел, а мама играла на гитаре. А тетя Вера подпевала. Не пел только дядя Паша, у него это не очень получалось, иногда он вставлял свои фразы в песню, которые были скорее смешны, чем музыкальны. И, посидев за столом, он пошел в свой сарай, где у него стоял почти законченный диван.

А мы с Виталиком были еще маленькие и спали. Не долго! Мы тогда еще не понимали, что нашим мамам хочется спокойно посидеть и отдохнуть, мы думали, что они существуют только для нас, и никогда не устают.

Шел сорок девятый год. Четыре года после войны. Только четыре! Но, нам родившимся после войны, она будет казаться чем-то далеким, каким-то ненастоящим. И будем мы ее представлять, как кино.

– Ведь это было не с нами, а с кем-то другим. Когда была война, нас-то еще не было. А значит, это было в другой жизни.

И наши родители, тетушки и бабушки, будут нам казаться солидными, знающими жизнь. И очень трудно будет представить, что были они тогда очень молодыми, и также учились жить, делая ошибки. И так же представляли себе своих бабушек, старыми и умными. Все в жизни идет по одному и тому же кругу.

Мои родители помирились. И решили, что пока отец не устроится прилично, мама и я будем жить здесь в Ильинке. Здесь работа, дом, ясли и родные. Рисковать вторым ребенком им не хотелось.

Крестины, красный капюшон и обезьянка

Бабушка настаивала на крестинах. Это нужно было сделать, пока папа был здесь. И мама согласилась. Хотя, была комсомолкой, и работала в Военкомате, где это не приветствовалось. Поэтому в церковь она не пошла. Туда пошла моя бабушка Мария Ивановна, папа, тетя Вера и крестные.

Со стороны мамы крестной стала ее соседка Лида, и в подарок от нее нам достался кусок красной ткани, из которой мама сшила мне замечательный капюшончик. В комплекте с красными ботиночками, он долго составлял гордость моего гардероба.

– Люлька в красном капюшончике, такая забавная, масенькая, – часто потом вспоминал мой папа, рассказывая о нашей жизни.

Со стороны папы крестным стал его друг, режиссер Птушко, который был с моим дедом в конной армии во время гражданской войны и, благодаря ему, они познакомились с папой. А два дня назад они встретились в ВТО. Фильмы Новый Гулливер, Сампо, Каменный цветок и много других – это были работы моего крестного..

От него мне досталась в подарок огромная обезьяна, около метра высотой, точно повторявшая облик шимпанзе. Ее стеклянные глаза, были, как настоящие, и сверкали на смешной мордочке с оттопыренными ушками. А тельце было покрыто шершавой шкуркой и дополнялось милым, длинным хвостиком. Лапки обезьянки крутились, и поэтому ее можно было и положить, и посадить, и вообще, она казалась живой, доброй и очень умной. Когда я спала в своей кроватке с сеточкой, обезьянка сидела и смотрела, как я сплю. Она видела меня почти с самого рождения. И, поэтому, любила.

– Это трофейная игрушка, – рассказывала мама, когда все удивлялись нашей обезьянке. – Такой, больше ни у кого нет! Только у моей Люсеньки!

Папа вернулся в Козьмодемьянск, в надежде уволиться из театра и найти более подходящее назначение, там, где будет интересная работа, семью обеспечат жильем, и зарплата будет выплачиваться. Лида вышла замуж и уехала из Ильинки, а Птушко был слишком известным и занятым человеком. А так, как мы разъезжали по разным городам и театрам, а дедушка умер, связь с крестным оборвалась. Подарки их были от души, потому что они надолго остались в моей памяти и сердце.

Мама, просидев со мной положенные полтора месяца, вернулась в военкомат, в Раменском.

Папа писал нам письма, и присылал деньги. Иногда он выбирался к нам в Ильинку, иногда мы ездили к нему.

Ходики с котенком, или мой первый урок сообразительности

Все взрослые работали. Тетя Вера в санатории на соседней улице, дядя Паша на мебельной фабрике в Люберцах, мама в военкомате в Раменском, а бабушка в магазине на другой стороне платформы. Поэтому, мы с Витальком очень быстро попали в ясли, которые были в конце просеки, рядом с платформой.

Но, иногда со мной оставалась бабушка Маша, если маме нужно было куда-то уйти. Мне очень нравилось ее доброе лицо и необычный голос. Он был сказочный, не реальный, как голос старой доброй феи или как голос Оле-Лукое, который потом я столько раз слышала по репродуктору. Бабушка любила меня, а я ее. Когда я начинала орать, она брала меня на ручки и старалась чем-нибудь развеселить.

– Ритату, ритату, – запела она своим сказочно дрожащим голосом, и покрутила мое тельце, когда я залилась ором. – Смотри! Киса! – сказала она мне, – вон, как глазки на тебя смотрят! Туда-сюда... Туда-сюда. Где наша киса? А?

Я посмотрела на котенка, нарисованного на часиках, застыв в руках бабушки от удивления, и перестала плакать. Я смотрела на него, стараясь не дрогнуть своей еще не окрепшей головкой, и у меня это вышло! Я смотрела на его хорошенькую мордочку, и на его забавные глазки, которые четко ходили туда-сюда по сторонам, как будто, перед ним, туда-сюда бегала маленькая мышка или муха, и не плакала!

Бабушка обрадовалась, что я замолчала, и через минуту решила положить меня в кроватку. Но я, тут же возмущенно заорала снова. Я хотела смотреть, как котенок бегаёт глазками. Он мне нравился! Я потому и орала, что мне было не интересно просто лежать. Мне нужно было подробнее разглядеть то, что я видела в прошлый раз, когда мама держала меня на ручках. Я хотела узнавать новое! И уже заметила, сколько в комнате интересного, и слоники, стоящие рядом на спинке дивана, и стеклянная черепашка нежно голубого цвета, и чайник с керосинкой, и икона. А котенка, я тоже заметила, и очень хотела посмотреть на него снова.

– Ну, давай еще посмотрим, – довольно сказала бабушка. – А когда наша мать придет, мы ее удивим! Да, кошка? – так называла меня бабушка, наверное, за мои круглые зеленые глаза, а возможно еще и мяукающий плач.

Бабушка вернула меня на прежнюю позицию, и для проверки своего открытия, повернула меня не совсем точно в сторону часиков.

– Где наши ходики? Где наши киски?

Я вытаращила глаза, и не увидев перед собой вожаемый предмет, постаралась повернуть головку в сторону часиков, не найдя их прямо перед собой. Мне хотелось выразить словами и мое восхищение, что бабушка поняла меня, и мою радость, когда я снова наткнулась взглядом на котенка, но получилось только произнести непонятные звуки и пустить слюни.

Этот пункт моего образования стал бабушкиной гордостью.

– Смотрите, что я вам покажу-у! – сказала бабушка загадочным голосом, когда мама с тетей Верой зашли в дом.

– Что?! – подключаясь к бабушкину тону, спросила мама, округлив глаза.

– А вот смотрите! Бабушка взяла меня на руки и задала мне вопрос, – а где киски, где ходики?

Эксперимент снова удался. Я ловко развернула голову в сторону котенка и загугукала.

– Ах, ты мой умник! – сказала мама. Уже кисок знает. Вот какой у нас есть котенок. Люсеньке он нравится! А смотри, какие у него ушки и усики...

– Надя, это просто совпадение! – сказала тетя Вера. Что она может понимать в два месяца! Ушки, усики!

– А вот и нет! Люська моя очень умная! – гордо сказала мама. – Она еще и профессором будет. Как дядя Леша Карпинский!

– А мой Виталька, будет генерал! Генерал Дубинкин! – с юмором сказала тетя Вера, разворачивая Виталика и кладя на кровать рядом со мной.

Дубинкин была фамилия ее мужа Павлика.

– Такие у нас ребятки хорошие! Правда?! Жалко дедушка Коля их не видит. Вот бы радовался! – сказала тетя Вера, разворачивая Виталика. Он маленьких любил!

– Сейчас мы будем кушать, – сказала она, обращаясь к Виталику и мне. – Накормим ребят, а потом и сами за стол сядем, Мы с Надей сегодня колбаски докторской купили...

Об этом можно было и не говорить, потому что запах от колбаски шел одурманивающий.

– А селедочки не прихвати-и-ли? – спросила бабушка, дрожащим сказочным голосом и улыбнулась улыбкой маленького ребенка, который выпрашивает конфетку, – и папиросочек, для бабулечки не забыли?

– Все прихватили, – сказала мама. – И сигареты, и даже кавказских конфет купили. Ставим чайничек!

– Пока Пашку дождемся, мы чаю напьемся, – весело сказала Вера.

– А я пока селедочку разделаю, – сказала бабушка, доставая селедочницу из буфета.

Потом были для меня и первые цветочки, и бабочки, и лето. Первые желтые листья и первые снежинки. Для меня все было в первый раз. А мама всегда говорила, – смотри, Люсенька, какой снежок красивый, это зима. Смотри, Люсенька, какие красивые листики, желтые, оранжевые, это осень.

Она обращала мое внимание на все, что нравилось ей, и что было интересным и нужным. И я, лежа в одеяльце в своей маленькой колясочке, смотрела на голубое небо, на красные гроздья бузины и на слоников в бабушкиной комнате. А еще, на очень заманчивую стеклянную голубую черепашку, лапку которой мне очень хотелось попробовать на вкус. Я запоминала все, что было вокруг меня, и мне очень нравился этот мир, его краски, запахи и добрые лица, которые смотрели на меня и называли Люсенька, Люлька, Кошка или Людочка.

Где птичка или самонадеянные взрослые

Приближался Новый 1950 год. И маме решила, что тянуть до того момента, когда мне исполнится год, чтобы сделать традиционную фотографию, не стоит. Нужно было послать фотографию папе, который работал в Казани в суворовском училище, обучая мальчиков балльным танцам, как то было положено для воспитанников, и устраивал конкурсы самодеятельности. Это была временная работа, потому что папа ждал места в театре.

Тетя Вера уже сделала фотографию Виталика. На ней он гордо сидел в своей черной шубке в санках среди сугробов, а рядом стоял дед Мороз и держал плакат «1950 год»

Мама поставила щипцы на керосинку. Закрутила кончики волос, и заколола их наверху так, чтобы они были приподняты горкой. Подкрасила губы, и, дунув на ватку, напудрилась из круглой коробочки, на которой были нарисованы ландыши. Посмотрев на себя в зеркало, она надела каракулевую шляпку, всунула ноги с туфельками в резиновые ботинки на каблуках и, посадив меня на санки, повезла в фотомастерскую, которая была за платформой.

Это было маленькое дощатое здание, прилепившееся к синенькой аптеке. В очень тесной комнате, отгороженной от входной двери серой занавеской, стоял обычный венский стул, и фотоаппарат на высокой треноге, накрытый черной тряпочкой.

Мама поправила прическу, завязала мне бантик, так что хохолок торчал кверху, поставила меня на стул и взяла мои ручки, приготовившись фотографироваться.

Пока дядя готовился снимать, я стояла на стуле и крутила головой, оглядывая этот маленький закуток, и не увидела ничего, что могло бы мне понравиться. Дядю я нашла вполне симпатичным, потому что, он очень мило улыбался маме и у него были необычные черные усики.

– Смотри, сейчас отсюда вылетит птичка, – лицемерно сказал дядя в синем халате, и взялся за тряпочку.

– Как оттуда может вылететь птичка? – подумала я. – Это же фотоаппарат.

Я посмотрела на него так, и сяк, и повернула голову, ища птичье гнездышко или клетку.

Но, дядя повторил это еще раз, и я подумала, что дядя не может врать уж настолько. Птичка вылетит, но как? Я уставилась в объектив, боясь пропустить, в чем состоял весь фокус с появлением птички.

– Может быть, птичка такая же, как котенок в часиках, не настоящая?

Я уже знала, что так обманывают детей, чтобы они смотрели в объектив, но слова дяди, все же, зародили в моей душе сомнение. Я думала, – может быть здесь какой-то фокус, и птичка, вылетит на пружинке? Мне было интересно, что там такое придумано, чтобы обмануть ребенка. Я приготовилась к открытию. И уставилась в объектив.

Дядя щелкнул черной штучкой, и сказал, – все, одевайтесь, – и снова накрыл камеру тряпкой.

Оказалось, что никакой птички там не было вовсе! Ни механической, ни, даже, нарисованной! Но, дядя ничего не объяснил и не оправдался.

– Готово, гражданочка, – сказал он. Приходите через неделю.

– Зачем он обманывал? – возмущенно подумала я. – Сказал бы просто, – смотри девочка сюда, – я бы и смотрела!

Мне так хотелось сказать и объяснить дяде, что я очень умный ребенок, и это знают все, и что меня не нужно было обманывать, я все знаю и все понимаю. Но, мне этого сделать не удалось, потому что мы быстро вышли из комнатки, и наше место заняла другая тетя.

– Нет тики! Нет тики! – говорила я, пока мама меня снимала со стула и одевала перед выходом на улицу, желая привлечь ее внимание к такому нечестному и бесполезному поступку этого маленького усатого дядьки в синем застиранном халате!

Полный каскад моих возмущений словами я выразить не могла, потому что еще не могла четко и быстро, как взрослые, сказать их, но мысли мои были четкими, и объемными.

Мысленно я говорила гораздо лучше, в мыслях слова складывались в предложения, а вот как это могло получаться, для меня до сих пор странно.

Тогда я поняла, что взрослые могут обмануть. Пока мы ехали домой, я все думала про фотографа, и, судя по тому, что я помню это до сих пор, можно понять, как меня это тронуло.

А дядя и не подозревал о том, что в голове этого десятимесячного малыша могут жить такие мысли. Наверняка он думал, впрочем, как думают все, что это всего лишь глупый ребенок. И он ничего не понимает!

Понимает! Только сказать, как взрослые не может!

Дебют красного капюшончика и журнал «Огонек»

Мама старалась быть со мной всегда честной, и всегда обращалась со мной как с умным человечком. И если она и обманывала меня, то только для того, чтобы я не плакала.

– Не плач! Люсенька. Я тебе конфетку с махорками дам! – говорила она загадочно.

Я переставала плакать. Мне очень хотелось узнать, что это за конфетка такая с махорками.

– Давай! – говорила я. – Где у тебя конфетка?

– А я скоро пойду в магазин и куплю тебе ее, – говорила мама загадочно.

Мои мысли переключались на образ конфетки. Я представляла ее такой длинненькой, завернутой в бежевый с коричневым узором фантик, края которого нарезаны мелкой лапшой. Я никогда не видела эту конфетку, но при упоминании о ней всегда успокаивалась и становилась сговорчивой. Вместо конфетки с загадочными махорками, мама всегда покупала мне шоколадку или гематоген, чтобы я была сильной и здоровой. И никакого вреда, судя по моей теперешней жизни, шоколад мне не принес. Как теперь признали, он полезен для зубов, для мозгов и для хорошего настроения!

Снова пришел март, мне исполнился год, но не восьмого марта, а восемнадцатого! Моим днем рождения стал «День Парижской Коммуны»! Это звучало очень торжественно, и заодно мои познания увеличились на существование такой страны, как Франция, на то, что там, в Париже была Коммуна, и то, что этот день совпадает с моим днем рождения. Многие дети и не знали, что существует такой праздник, а я знала! Я родилась в «День Парижской Коммуны»! И почему-то, мне это добавляло гордости.

Мама набрала в утюг углей, поставила на стол банку с водой и стала отглаживать свое демисезонное пальто. Она положила на пальто мокрую марлю, и стала водить по ней утюгом так, что из-под марли шел пар.

– Нужно съездить к тете Зине Громовой, – сказала мама сестре и бабушке. Люсеньку покажу, и Володьку давно не видела, как они там поживают?

– Съезди, съезди, пропела бабушка. – Вот Зине передашь, – бабушка протянула маме скрученные в рулончик белые кружева. А эти я сегодня на рынок отнесу, – бабушка продолжила вязание, – осталось сантиметра два и все.

– Надя, привет передай им всем, я тоже, как-нибудь, в другой раз поеду. Витальке что-то нездоровится, да и с Пашкой не очень хочется ехать. Учудит что-нибудь в гостях. Тете Зине не понравится, – сказала тетя Вера.

Мама повесила отглаженное пальто на вешалку,

– Надо бы новенькое, мне хочется расклешенное из драпа, пастельного цвета, само, или сиреневого, – сказала она. – Вер, как ты думаешь, такую шляпу еще можно одеть? Мама достала из гардероба черную шляпку с тонкой сеткой, вуалью, на которой были черные горошинки поплотнее. Одела ее, взяла в руки свою черную лакированную сумочку и всунула ноги в туфли с каблучками.

– По-моему, я девка красивая, – сказала мама, улыбаясь и вертясь перед зеркалом.

– Только тебе поправиться надо, совсем зеленая! – сказала тетя Вера.

Она сняла с мамы шляпку, одела на себя.

– Нет, мне это не идет, я лучше, в своей, с полями буду ходить. И я бы лучше себе купила серое, габардиновое, как у тети Нади Карпинской, я тут недавно в магазине примерила, так благородно. С отпуска куплю, или Пашка что-нибудь сделает на продажу. Он Галине Петровне

с Кооперативной, обещал буфет сделать, вот тогда денежки у нас будут, – заговорщическим тоном сказала тетя Вера.

– А мне серый цвет не пойдет, – сказала мама, – Я очень бледная. Она помазала помадой точки на щеках и растерла их рукой, – вот так лучше.

– Люсенька, сегодня мы с тобой поедem в Москву! – сказала радостно мама, одевая меня в мой красный капюшон, который, наконец-то, дождался выхода в свет. К тете Зине и дяде Володе, на Каланчевку!

– Ту, ту, палавоз! – запрыгала я, зная что мы поедem на поезде. Морозено!

– И мороженое купим, и пирожное. Вкусно?! – мама заманчиво улыбнулась. – Ну, победили! – сказала она, взяв меня на руки.

Но, бежала только мама, держа на руках меня, и еще сумочку и сеточку с необходимыми вещичками, а я смотрела по сторонам, и знала, что сейчас будет перекресток, ясельки, а потом мои любимые сосенки, растущие прямо посредине улицы. Последнее препятствие деревянная лестница на платформу, сделанную из таких же досок, и мы уже у кассы. Мама перевела дух, купила билет, и, посадив меня на лавочку, уже спокойно стала ждать поезд.

В поезде я, конечно, стояла возле окошка, на лакированной лавочке, и смотрела на проезжающие поезда, на домики, на церковь, и на тетю, в белом халате, надетом поверх пальто, которая вошла в вагон с огромным серебряным коробом, висящем на толстом ремне на ее шее.

– Мороженое, кому мороженое! Эскимо, рожки, пломбир... громко на весь вагон вещала тетя.

– Дайте нам эскимо, пожалуйста, – мама достала рубль десять копеек и купила заманчивую серебряную колбаску на палочке. Она отвернула фольгу и дала мне лизнуть и съесть кусочек шоколадной корочки. Но, этого было мало.

– Люсенька много нельзя, простудишься!

Я уже хотела заорать, когда мне не хватило просто слизывать мороженое. Я хотела всю палочку! Я протянула настойчиво к нему руку, но мама отвлекла мое внимание

– Смотри, сейчас мы въедем в туннель, – загадочно сказала мама, и скоро в вагоне стало почти темно, а за окошком была чернота и желтые огни. А потом поезд снова выехал на солнце, и вскоре появилась платформа.

Это был Казанский вокзал с мельтешащими пассажирами, продавщицами, грузчиками и милиционерами в белой форме. Мимо проезжали тележки с чемоданами, тетки громко предлагали пирожки, и люди сидели на своих чемоданах или тащили их к поезду.

– Москва! Люсенька, мы приехали в Москву! – мама взяла меня на ручки и вышла из поезда.

День был солнечный, апрельский, он сверкал голубым небом и осколками лужиц на тротуаре. И в нем вся эта привокзальная суeta тоже казалась праздником!

Все вокруг было не так, как в Ильинке. Деревья, растущие на тротуаре, были окантованы ажурными металлическими решетками. Скверы выделялись посаженными по кругу кустами, на которых чуть набухли почки. А по асфальту сквера весело катались детишки на маленьких велосипедах, девочки прыгали через веревочку, а воробьи пили из сверкающих лужиц водичку. Здесь было столько всего! И машины и троллейбусы, и светофор, горящий разными цветами... и витрины магазинов, и большие дома, и полосочки на дороге. Здесь все было дружное и запахи, и краски, и насыщенность деталями. Это восхищало, но совершенно не пугало, и назначение всех этих деталей, становилось очень быстро понятным. Полосочки, это там, где переходят дорогу люди, а светофор, с разными огоньками, это для того, чтобы троллейбус останавливался.

А для мамы, это было возвращение в детство, ведь она была москвичка, родилась в самом центре Москвы, на улице Степана Разина, которая находилась в трех минутах от Кремля. И гулять с бабушкой она ходила не куда-нибудь, а в Александровский парк! Потом они жили здесь с бабушкой Полей на Каланчевке, а потом с бабушкой Машей в Прозоровке на даче Николая Карловича фон Мекк. В голове у мамы пронеслись воспоминания о детстве, юности, войне...

– Не будем вспоминать плохое, – подумала она. Сейчас сходим в гастроном, купим тете Зине что-нибудь вкусненькое, посидим у нее немножко и пойдем, прогуляемся. В скверик на Лермонтовской.

В гастрономе, который находился в полуподвале этого же дома, вкусно пахло колбаской, и смолотым кофе, а прилавок с тортами и пирожными украшенными цветами из разноцветного сливочного крема, занимал, наверное, метра три.

– Какие пирожные мы с тобой купим, а Люсенька? – спросила мама, выбирая из множества, разложенных на витрине. Там лежали корзиночки, наполненные грибами, или нежными цветами, воздушные слоеные квадратики «наполеон», посыпанные крошкой, трубочки «эклер», политые разной глазурью, на тортах красовались разноцветные пастельные розы, зайчики и белочки, а на шоколадном огромном торте все фигурки были тоже из шоколада. Но, это был очень дорогой торт, он стоил пятьдесят пять рублей. Здесь было столько всего, что глаза разбегались. Мама выбрала «эклер», «наполеон», и корзиночку с грибами, а я показала пальчиком на пирожное с розовым цветком, который был бисквитным кусочком торта «сказка». Мы пробили чек в кассе с белым разрисованным стеклом. И получили белую коробочку, завязанную розовой веревочкой на бантик.

– Ну вот, теперь мы можем идти в гости, – сказала мама, и мы, выбравшись по лесенке на улицу, вошли в подъезд, который пах пирожками с мясом.

– Вот мы и пришли! Ну-ка Люсенька, нажми на эту кнопочку. Еще раз и еще раз! Три звонка Грозовым, прочла она надпись на двери.

– Здравствуй, тетя Зина! – поздоровалась она с крупной дамой. А тетя Зина Маленькая дома?

Здесь жили две Зины, одна была тетей мамы, а другая женой дяди, который умер во время войны. Обе они были Грозовы. И чтобы их различить им присвоили добавочное имя Большая и Маленькая.

– Надя! Зинаида Алексеевна куда-то вышла. Ты пока посиди у нас, чайку попей, – сказала подошедшая соседка Варя. Она минут через двадцать придет. Вот какая у Николая дочка-то выросла. Красивый был мужчина, – покачала головой тетя Варя.

– Проходите, – улыбаясь, предложила тетя Зина большая. Ей не хотелось показаться невежливой, ведь это была ее племянница по мужу, но, она была очень экономной, и угощать двоих, она никак не рассчитывала, поэтому сказала это так неопределенно, уступая свое гостеприимство соседке.

– Да мы только вещички оставим, а сами с Люсенькой пойдем, прогуляемся. На улице так хорошо! Мы в скверик и обратно, – оправдалась мама, не желая отягощать тетю Зину Большую муками совести.

– Надечка! – маленькая женщина лет сорока в темно-зеленом пальто и сумкой с продуктами встретила нас на лестнице. – Куда же вы? Пойдемте назад. Я как раз из магазина, сейчас чаю поьем, а потом я котлеты пожарю.

– Мы немножко прогуляемся, полчаса, а вы пока чайник ставьте, – сказала мама, ей очень хотелось снова посмотреть на знакомые места, и почувствовать себя москвичкой.

– Гражданка! – услышала мама, когда мы вошли в сквер. Вы не против, если я сфотографирую вас с вашей дочкой. Уж очень вы удачно смотрите. Встаньте вот так и ведите ребеночка за руку по дорожке. Так, хорошо. Смотрите себя в журнале Огонек на обложке! – весело сказал мужчина, подержав в своих руках мою ручку. Какая милая мама, улыбнулся фотограф, как вас зовут?

– Надежда Громова! – гордо сказала мама. Здесь в Москве, она ощутила себя той девочкой, которая когда-то здесь жила, и тогда она была Громова!

– А меня Леонид Кудрявцев. Вот мой телефон.

Мужчина написал номер на бумажке и дал маме в руку. Звоните, если будут вопросы.

И мама в пальто, в шляпке с вуалью, а я в красном капюшончике и красных ботиночках, среди весенней первомайской Москвы появились на обложке «Огонька».

– Тетя Зина, – нас сейчас в журнал сфотографировали! – радостно сказала мама, войдя в комнату.

– Дядя, чик, – сказала я.

– Надечка, как она уже хорошо говорит! И все понимает!

– У, такая сообразительная! – улыбнулась мама. Вот спросите, как ее зовут.

– Люля, – сказала я, не дожидаясь приглашения. – Папа Петя, мама Надя, тетя Леля.

– Какая умная девочка! А наш Володя тоже скоро женится. Я уже ее видела. Красивая девушка, вежливая. Он сейчас как раз у них, они здесь не далеко живут. Люди простые, но приличные. Тетя Зина говорила, заканчивая фразу, немного оттопыривая нижнюю губу, как будто немного обижаясь как ребенок. Но, когда она улыбалась, то была похожа на маму, и поэтому мне всегда нравилась.

Маленького роста, она была одета, в черный сарафан из шерсти, наверняка перешитый из старого платья, с кофточкой из крепдешина, завязывающейся бантом на груди, Короткие волосы, постриженные под каре, заколоты заколкой на бок на косой пробор. Тете Зине Маленькой было в то время сорок два, но мне она казалась бабушкой.

– Надя, сажай ее на кровать, есть, наверное, хотите, сейчас я котлетки принесу, а хочешь, мы ей кашку сварим, предложила тетя Зина, беря меня на руки.

– Хотите я сама, я все на кухне знаю, – предложила мама.

– Пожалуйста, если хочешь. Вот тебе манка, ой, а молока то нет! – сделала испуганное лицо тетя Зина.

– А мы взяли с собой, у меня в сумке бутылочка.

– Прекрасно! – улыбнулась тетя Зина. – Как там Вера, Маша? Мама все в магазине работает? Как Петр Гаврилович? – тетя Зина, со мной на руках прошла за мамой на кухню, по огромному коридору, на стенах которого, висели велосипеды, санки, корыта. Потому что, теперь квартира, в которой до революции жила одна семья моей прабабушки, стала коммунальной, и в ней на кухне стояло шесть столов, шесть примусов, и очередь в ванну, была с утра приличной. Кухня и коридор, к счастью, были огромными, и поэтому роль ванны, умывальника и прачечной часто присваивала себе кухня. В ней стирали и купали детей.

– У нас, тетя Зин, все хорошо, все по-старому, – рассказывала мама, мешая кашку с молоком. – Виталек растет, муж у Веры, такой мастер, мебель на заказ делает, так что они живут хорошо, мать, как всегда работает и вяжет кружева. У меня в сумочке рулончик, она вам передала, для подзора. А мы с Петей ждем, когда ему дадут хорошее назначение. Он сейчас должен из Казани вернуться, пойдет в ВТО, не знаю, что ему скажут. Без квартиры больше нипочем не поеду. Так тяжело жить по чужим квартирам. Хозяева ужасные, в комнату без нас заходят, по чемоданам шарят. Ни стыда, ни совести. Все время боишься, лишний раз, сделать не так! Сто раз оговорят, серые, жадные.

– Да, Надечка, хорошо бы ему в московский театр устроиться, снова сделала серьезное лицо тетя Зина.

– Не получается пока, тетя Зин! Петька талант, его берут, но как только узнают, что он не партийный... поэтому с назначением сейчас сложно.

– Да, – тетя Зина, понимая, нагнула голову, кивнув в сторону дверей других жильцов, – пойдем Надечка в комнату, ребенка кормить будем.

После каши я спала на большой кровати, тетя Зина разливала чай в темно зеленые чашки с золотыми орешками, и они с мамой вспоминали старую жизнь, дедушку Колю, его брата Митю, и бабушку Полю, которые совсем недавно еще жили здесь. Бабушка Поля умерла в тридцать пятом, от сердца, дядя Митя во время войны, после контузии, а Коля совсем недавно в сорок шестом, после полученных ран на войне.

Тетя Зина Большая зашла на минутку, принесла мне кусочек сахара. Я сказала спасибо, но сама подумала, что детей сахаром не угощают. Им дают конфетку или шоколадку. Я не знала, что мне делать с кусочком сахара, а положить его в сторону, стеснялась тети Зиной Большой. Это было не вежливо, я уже это все понимала. Тетя Зина Маленькая пригласила Большую выпить тоже чашечку чайку. Но, она отказалась. Ей, может, и самой хотелось быть такой же, как тетя Зина Маленькая, но у нее не получалось. Я видела ее только один раз, а потом она поменяла комнату и уехала с Каланчевки. Может быть, вышла замуж. Я ее запомнила в платье светло коричневого цвета, оно было такое же, как сама тетя Зина.

– Тетя Зина, нам пора, завтра на работу! Жалко, что Володю не увидела, но мне еще Люсеньке нужно приготовить барахлишко в ясельки, дома кое-что сделать... – сказала мама, одевая на меня мой красный капюшончик. Правда красиво, тетя Зин, это я сама ей сшила! Всего-то нужно кусочек, чик- чик и готово. Я ей и платьишки сама шью, – похвасталась мама.

– Надечка, тогда возьми вот эти лоскуты, нам их на работе дают как ветошь. Может быть, сгодятся на что-нибудь, – сказала тетя Зина, доставая тряпочки. Здесь есть большие. Я тебе таких еще принесу, если нужно. Смотри, как можно красиво скомбинировать. Лицо у тети Зиной снова было серьезное, и губа нижняя немного обиженно отодвинулась вперед.

– Прекрасно, особенно вот эта синенькая байка. Я ей платьишко сошью, мы скоро к папе поедем, и у нас будет новое платье. Спасибо, мы берем!

Мама поцеловала тетю Зину, которая проводила нас до вокзала, помогая нести сумочку, и мы снова сели в вагон электрички на лакированное сидение. Я ждала тоннель, и тетю с мороженым. Но, тетя не появилась. Тогда я стала приставать к маме дома. Я ныла, выкручивалась, я требовала мороженое. И мама решила обмануть меня. Она налила в стакан водички и положила туда крахмал с сахаром. Получилась белая жижа.

С чувством выполненного долга, я сидела за столом, на котором стоял стакан с мутной белой жидкостью, смотрела в окошко и опускала ложечку в стакан, стараясь поймать побольше мороженого, а потом выпила его весь! Мои маленькие ножки болтались, высоко-высоко над полом, а за окошком виднелась другая дача и зеленые сосны. Я до сих пор помню, вкус, который совершенно не был похож на эскимо, но, я сама хотела, обмануться, и чтобы подкрепить эффект, я крутила в руке черепашку, стараясь облизнуть ее лапку, как голубую холодную сосульку...

Мамочка и воспитание самостоятельности

У меня не было много кукол, только одна гуттаперчевая, которая лежала в корытце. Но, всегда было много книжек, кубиков, мозаик, пирамидок. Игрушек, играя с которыми, нужно было думать.

Какие у меня были книжки! Их у меня была целая коробка, и хотя я еще не умела читать, я любила слушать, как читает мама, а потом разглядывать картинки. Книжки были тоненькие с надписью наверху «Мои первые книжки», Их можно было разглядывать долго-долго, а потом оживить в своем воображении и даже придумать историю дальше, потому что в картинках было много всевозможных деталей.

Мама и папа пели мне песенки, и я их прекрасно разучила, и про веселых соседей, и про капитана, которого просили улыбнуться, и про вольный ветер. Много песенок я слышала из черного репродуктора, который был всегда включен.

Мама учила со мной стишки про барана, который шел по дорожке навстречу другому, и про мишку косолапого.

Мама всегда советовалась со мной идя в магазин, или, одевая новое платье, или думая, что сварить.

– Люсенька, как ты думаешь, мне купить красненький ситчик или голубой? Покажи пальчиком.

– Вот, – показывала я.

– Этот тебе нравится?

– Да нравится, – серьезно отвечала я, и мама покупала именно этот материальчик.

– Смотри, как плохо делает мальчик – показывала она мне картинки к стихам Маяковского. – Он безобразник! – и я понимала, что так делать нельзя.

– Смотри, какой хорошенький котенок, бедненький, кушать хочет, давай дадим ему поесть, – и мама отщипывала ему кусочек колбаски или котлетки. И я с детства любила животных и, не задумываясь, отдала бы им свою последнюю котлетку.

Мама была для меня авторитетом, самой доброй и самой умной. И, хотя, я иногда вредничала, добиваясь своего, но для полного спокойствия мне нужно было услышать, что это можно, и что, мама согласна с моим решением, а потом уже делать.

И я любила говорить, – я сама!

Я знала, что мама всегда найдет выход, всегда придет на помощь и всегда выйдет из положения, которое мне казалось безвыходным.

Так мама воспитала во мне и самостоятельность, и уверенность в себе и своих силах и знала, что без нее я ничего необдуманного не сделаю.

Спички детям не игрушка

Пока мама занималась делами, я сидела на полу и смотрела книжки. В них были интересные картинки. Вот нарисованы просто игрушки, пирамидка, зайка, мячик. Вот мишка с оторванной лапой, вот мальчик на лошадке. А вот – дедка и бабка, и все-все тянут огромную репку! А вот – дядя Степа, из окна вырывается пламя, а дядя Степа спасает мальчика.

Мама, когда читала мне про дядю Степу, всегда говорила,

– Люсенька, спички трогать нельзя! Видишь, мальчик чуть не сгорел! Не будешь брать без спроса?

– Нет, – крутила я головой, – а сама думала, что если начнется пожар, или потеряется ребенок, то не страшно, ведь поможет милиция! И никогда не понимала, почему так пугают пожаром. Позвони, и пожарные приедут, и скорая помощь тоже.

Я читала книжки и верила в них, а запрет я воспринимала, как необходимость слушать взрослых, но считала, что они все преувеличивают.

– Я уже все понимаю, мне можно, – думала я. – Я пожар сама потушу. Стукну по огоньку рукой, он и потухнет. И поэтому, когда мама была занята шитьем, я играя в книжки, и сама не заметила, как взяла коробочку со спичками, и стала их усиленно открывать. Для этого нужно было ловко взяться за коробочку, а потом протолкнуть коробочек пальчиком. Но, это мне никак не удавалось. Пальчик был слабый и сгибался. А когда мне это удалось, то спички рассыпались по полу. Я посмотрела на маму, и пока она не видела моего промаха, стала побыстрее запихивать их назад, в маленький коробочек. Но, они никак не хотели туда лезть!

– Вот озорник! – воскликнула мама. Я же тебе говорила, спички брать нельзя!

– Можно! – сказала я, уже собираясь заплакать. Я плакала по всякому поводу, особенно, если делала что-то не правильно. Мне было стыдно. Ведь я не должна была ошибаться, потому что все меня хвалили и говорили, что я умная! Я не могла быть глупой!

– Нет, я тебе по попе дам, не бери спички, ты еще маленькая, и можешь нечаянно пожар устроить, – погрозила мне пальцем мама.

Я попробовала заплакать и выпросить желанную коробочку, в которую так сложно было затолкнуть палочки. Я тянула руки за коробкой, я садилась на пол и орала еще громче. Но, мама была непреклонна.

– Вот напористая! Ты еще маленькая, тебе полтора года всего! – снова повторила она, кладя коробку повыше.

– Я не наперстая! – сказала я. Я уже большая!

Мама рассмеялась. – Не плач, лапиндрожка, – сказала она мне, взяв на ручки. – Смотри, какую я тебе куклу сделаю, я тебе дам коробочку только без спичек, а ты в ней сделаешь куколке кроватку.

Кукла была маленькой белой тряпочкой, свернутой в маленькую колбаску, и сложенную пополам. В место сгиба мама вложила рулончик потоньше, и это были ручки. Головка получилась от перевязки сложенного рулончика ниткой. А мордочку мама нарисовала химическим карандашом. Кукла была такая маленькая, и такая миленькая. У нее были глазки точки, точка носик и смеющийся ротик. А в спичечном коробочке, ей было очень даже уютно. И коробочку можно было закрывать, а потом открывать...

Я стала играть с куколкой, все же надеясь, что попозже маму уговорю. Я должна была сама сделать все правильно. Открыть коробку со спичками, а потом аккуратно закрыть, не потеряв спичек. К тому же, меня очень прельщали их коричневые головки, похожие на маленькие шоколадные шарики. И я должна была проверить это!

– Ой, тетет калина в поле у рутя! – запела я, разглядывая кроватку для куклы и продолжая думать про недавний инцидент.

– Откуда ты знаешь эту песенку? – удивилась мама. Она давно хотела пойти посмотреть фильм «Кубанские казаки», в котором звучала эта песня.

– Няня в ясельках поет...

– Ну ка, спой еще раз, – мама снова засмеялась, услышав мою песню, с особым ударением в конце песни – «лутЯ!»

– Ну, умник! – восхитилась мама. А смотри, какая еще песенка есть, – мы едем, едем, едем, в далекие края... А еще, – капитан, капитан улыбнитесь.

– Знаю, – сказала. – Велелые соседи велелые длузя!

Эти песенки я слышала сто раз от мамы и по радио, а вот такую, первый раз, в ясельках. И мелодия у нее мне очень понравилась, те песенки были для детей, а эта для взрослых. И мелодия у нее была сложнее и красивее. И я представляла речку и белые цветы над ней.

– Пойдем к тете Вере. Держи тарелочку. Скажи, – тетя Вера дай мне супу. Запомнила? – заговорщически обратилась ко мне мама.

– Вы нас пустите? – шутливо спросила она, открыв дверь, в комнату тети Веры, и перенеся меня через порожек.

– Людочка пришла! – заулыбалась тетя Вера.

– А вот послушайте, что она вам скажет! Ну-ка? Лапиндрожка, попроси супчик..

– Тетя Леля сюпу, – сказала я, протягивая тарелку.

– Тетя Леля сю-ю-пу, – передразнил меня дядя Паша, от чего, и сам он и его голос, стали похожи на хитрого змея. Почему мне так казалось? Наверное, потому, что он при этом прищуривал глаза, а его очень худое лицо, с явно выраженными скулами, худыми щеками, и небольшим шрамом, превращалось, в почти ехидное. В лицо удава, которое перед тем, как съесть, затормаживает бдительность.

– Ну, садись, Люля, – взял он меня на руки и посадил за стол, рядом с Виталиком. – Сейчас тетя Леля нальет тебе тарелочку сю-ю-па..

– Надя, я такие щи сварила, – сказала тетя Вера. Объявление!

– Щишки! – потерла мама руки. – Ну-ка, мы сейчас с Люсенькой попробуем. А мы вам блингов принесли. Будете есть наши блины?

– Ну, блинов-то мало! – сделал змеиное лицо дядя Паша, – Жалко, что не как в анекдоте...

– А как в анекдоте? – изобразила мама удивление.

– Да зять пришел к теще, а у нее на столе огромная стопка с блинами. Вот она его блинами угощает, а он все ест и ест, теще даже зло взяло.

– Вот, обжора, все сожрал, не поперхнулся!

– Смотри, а последний блин на тарелке лежит, и зятек его не трогает, – сощурил дядя Паша глаза и сделал змеиную улыбку.

– Чего, зятек? Последний блин комом? – спрашивает она его, так ехидно.

– Да нет, – говорит, зятек, – это первый в табуретку уперся.

Мама с тетей Верой так и прыснули? не дослушав последней фразы.

– Ну? насмешник ты? Пашка! – сказала весело мама.

– Да насмешил! – мама и тетя Вера расхохотались еще веселее.

Мы с Виталиком тоже засмеялись, хотя совсем не поняли почему. Просто нам было весело, когда взрослые были веселые.

Тете Вере было приятно видеть Павлика в добром расположении духа. Она ловила его хорошее настроение и всячески поддерживала его. И иначе? как Павлик, с таким сливочным оттенком в голосе, она его не называла.

– А смотрите, какую мы песенку знаем... – сказала мама. Ну-ка? Люсенька? спой, – ой цветет калина в поле у ручья, – помогла она мне.

– Ну, надо же, а мой Виталек совсем еще не говорит, – сказала тетя Вера, услышав мою песню.

– А вы не знаете ничего! – загадочно сказала мама. – Мы сейчас покажем вам сюрприз. Она взяла на ручки Виталика и пошептала ему, – ну давай, – мишка косолапый...

– Мика лапачик полелеле, – рассказал Виталик стишок про мишку.

– Надя! Когда вы успели, – обрадовалась тетя Вера. – Я ему рассказывала этот стишок, а он не хотел повторять.

– Вот! Мы тоже очень умненькие, правда, Виталек, – мама поцеловала Виталика и он запрыгал и забегал, весело подшибая мячик.

Я могла бы рассказать стишок лучше, с выражением и топнуть в конце ножкой, еще и песенки спеть, но взрослые принялись играть на гитаре и петь свои песни, про бродягу, про перелетных птиц и про горе горькое, которое, шлялось по свету. А потом дядя Паша, зачесав свой шикарный чуб, показывал, как надо танцевать вальс-бостон. И мама, и тетя Вера менялись местами, составляя ему пару. А патефон крутил пластинку!

Я села на пол и стала с Виталиком играть в юлу. Около печки лежала коробка спичек. Взрослые были заняты, а я, забыв обо всем, снова получила в распоряжение коробочку. Открыв ее, я стала рассматривать шоколадные головки спичек.

– Шоколадка?! – подумала я, и сунула спички в рот, стараясь быстрее слизать их коричневые головки. Но, это был не шоколад! Спички оказались не вкусными. Тогда я попробовала чиркнуть ими, чтобы зажечь бумажку в печке. Но, спички, к счастью, размокли и не зажигались.

Тогда я бросила коробочку, вытерла ручки о платье и пошла, попросить кисель.

– Это где ты так измазалась, посмотрела мама на мои ручки и ротик. Ты что спички ела! – ужаснулась она. – Ну-ка плюнь, плюнь, скорее, а то отравишься. Ты не проглотила? Нет!? Открой рот!

Я заорала от неожиданности, что меня снова застали за преступлением, и от страха, что отравлюсь, и от стыда, что сделала не правильно и попалаюсь.

– Надя, не пугай ребенка, – сказала тетя Вера. Ничего с ней не будет, только пропонуется.

– Беспечная ты, Верка! – сказала мама, вытирая мне рот, и давая воду, чтобы я выплюнула ее, вместе с оставшейся серой.

– Спички детям не игрушка, я вот тебе по попке дам! – сказал дядя Паша. – Ата-та, ата-та! – сделал он снова змеиное лицо.

– Не трогайте мою Люсеньку! – спасла меня мама, она больше не будет! Не будешь, Лапиндрожка? Нельзя баловник, ты еще маленькая. Будешь большая, тогда я тебе дам спички. Потерпи, когда вырастешь.

– А я и сейчас умная и все понимаю, – подумала я. Но, при чужих, я не давала волю капризам. Это я могла проделывать наедине с мамой, и я смолчала, и стала тереть глаза. Мне вдруг захотелось спать, и мама отнесла меня в кровать.

Дядя Паша ушел в сарай мастерить мебель, а Тетя Вера достала скатерть, которую она вышивала. На ней были нарисованы узоры, на которые она потом накладывала стежки, в этот раз это были маки, васильки и колосья пшеницы.

– Надя, правда, красиво? – спросила она, развернув скатерть. – Вот Пашка сделает нам круглый стол, я постелю на него, будет очень уютно.

– Шикарно! – сказала мама. – Как это у тебя получается, у меня терпения не хватает.

– Мне нравится. Мне вот только нужно ниточек подкупить, вы в магазин пойдете купите мне мулине. Так, по одному, желтый красный черный и зеленый.

– Хорошо, мы как раз сейчас собирались к матери в магазин сходить, купить сырковой массы и кусочек мяса.

Бабушка работала в магазине, который был расположен за линией. Она гордо сидела в кабинке за красивым стеклом с узорами.

– Выбей нам сырковой массы, десяток котлеток и маргарин, – сказала мама, подойдя к окошку, после старушки, стоящей в кассу.

– Людмила моя пришла, – улыбнулась бабушка. На-ка, съешь вот эту шоколадку, бабушка протянула мне маленькую серебряную палочку с фантиком, где по синему морю плыл кораблик.

Я с любопытством заглянула в окошко, чтобы разглядеть аппарат с кнопками. Но, попробовать нажать и покрутить ручку, мне бы ни как не удалось. Для этого нужно было сесть на место бабушки, а это было запрещено!

– Надь, возьмите селедку, сегодня бесподобная, сказала тетя продавец.

– Я картошку принесу, – сказала бабушка, а вы селедочку разделайте, с лучком.

– Как твой артист? – весело спросила продавец.

– Скоро мы к нему в гости поедem с Люсенькой, – сказала мама.

– А чего не насовсем? Не берет? Небось, там у него другие артистки есть? – съехидничала тетя.

– Нет, он нас с Люсенькой любит, – сказала мама. – У меня здесь работа хорошая и ясельки, а там нужно начинать все с начала. Как только он устроится получше, мы к нему поедem.

– Ты за своим смотри, – сказала бабушка. А то, я его вчера с какой-то молодой видела. Идет ей сумочку тащит.

Бабушка подмигнула маме. Она знала вредный характер продавщицы Ани, поэтому уж очень-то на нее внимание обращать было не нужно, но и выслушивать чушь, тоже.

– Ну ладно, мы пойдem, – сказала мама. – Посмотрим книжечки для Люсеньки. Ну, скажи до свидания, – обратилась она ко мне.

– До свидания, – сказала я. – Пойдем за книжечками.

Обратно мы шли уже с нагруженной продуктами и книжками сумкой. Перейдя через платформу, мама поставила меня на землю

– Иди ножками, – сказала она.

– Нет! – заорала я и затопала ногами.

– Мама взяла меня на ручки снова. – Люсенька я устала, а ты уже большая, должна сама шагать, повторила она.

Вот тут-то и настал мой звездный час. Я знала, что мама мне так скажет, и заранее приготовила ответ, еще тогда, когда она меня ругала за спички.

– А спички брать большая? Да? Неси, неси! – сказала я ей, И лицо мое в этот момент немного стало похоже на дядино Пашино.

Мама рассмеялась, и сказала, – ну, хитрятина. А вот пойдem, что я тебе покажу... Мама сделала загадочное лицо, и повела меня к забору.

– Смотри, какая зеленая машина! Хочешь, прокатимся?

У забора одной из предпоследних дач, стоял маленький открытый автомобиль, зеленого цвета! С рулем, колесами, и сидением на двоих спереди и сзади. Он был как всамодельный! Кто оставлял там этот автомобиль, и почему не боялся, что его украдут, и почему его никто не украл, – осталось для меня загадкой до сегодняшнего дня.

Мама посадила меня в машину.

– Ну, крути ножками, поехали!

Я постаралась подцепить педаль ногой, но она срывалась и машина проехала благодаря моей маме. Мы проехали пять метров, и вернулись к месту, где был оставлен автомобиль.

– Здорово? – спросила мама.

– Да! – кивнула я. – Я еще хочу!

– Нельзя, это же чужой автомобильчик, мы его должны вернуть, а то тетя будет переживать. А вот пойдем ножками, а я тебя потом опять на машинке покатаю, улыбнулась заманчиво мама. – Пойдешь?

– Пойду, – сказала я. Мне не хотелось больше плакать, а хотелось представлять, как здорово кататься на машинке, и какая она чудесная, и как далеко можно на ней проехать. Почти по всей просеке!

Мы шли по летней Ильинке. От заборов и листвы на песчаную дорожку падали пятна теней, которые немного менялись от легкого теплого ветерка, шевелившего ветки. Пахло хвоей, травкой флоксами и гвоздиками. Над головой раздался шум самолета, и я задрала голову, увидев весь самолет так низко, что было видно и что написано на нем и колесишки шасси и крылья. Вдали раздался звук поезда. Уже совсем рядом был наш забор и калитка. А из окошка на втором этаже огромной бревенчатой дачи нам махала рукой тетя Вера.

Все надо делать сегодня и не откладывать на завтра

– Надя, ну бросай ты эту работу! Сколько можно мне жить одному? – сказал папа, приехав к нам во время короткого отпуска. – Первое время будем жить на мою зарплату, а потом и тебе что-нибудь подыщем. Меня уж там друзья подначивают, что я все один! Ну, давай, как только я устроюсь на новом месте, перевезем вещи, а потом вы приедете. Согласна? – папа улыбнулся своей доверчивой улыбкой.

Что оставалось маме? Всю жизнь прожить в разных городах? И все время слушать соседей и знакомых с намеками на то, что ее не хочет брать муж, и смотреть, как другие счастливо разгуливают с мужьями и колясочками. Она понимала, что всем все не докажешь. И всему приходит конец. Вот и конец нашей жизни в Ильинке приближался. А мы с мамой так любили Ильинку и наш дом, и наш участок, и сосны, и все, что окружало нас здесь.

Но, мама знала, что унывать нельзя, что утро вечера мудренее, и все, что ни делается, делается к лучшему. Поэтому она подумала-подумала, и постаралась найти, что будет хорошего в той другой жизни.

– Там такая природа! Лес, река. А чего! Попробуем! Как ты, Солоха!

Отец так в шутку называл маму.

Конечно, маме не очень хотелось ехать к черту на куличики, но она знала, что если начнет сопротивляться, то отец скажет ей, что в том, что его не посылают в театр Москвы, виновата она, потому что тогда в Туле он повздорил с директором театра из-за нее и Володьки, моего маленького братика, который потом умер.

Мама знала, что просто так ситуацию решить не получится, а нарываться на скандал она не хотела. Тем более, что на этом же настаивала моя бабушка, и тетя Вера видела в отъезде только хорошее. И мама сказала, что согласна.

Впереди у нас было несколько месяцев лета и осени, и мы потихоньку стали готовиться к отъезду.

Папа был талант, он прекрасно пел и во время войны был солистом в краснознаменном ансамбле песни и пляски. Он играл главные роли в спектаклях, водевилях и даже опереттах. Он был прекрасный массовик и умел сделать для людей действительно праздник, он был артист на все руки. И его карьера сначала быстро шла в гору. Его замечали, писали в газетах. А режиссер фильма Андрей Фролов, пригласил его на главную роль в фильм «Первая перчатка» И если бы он проявил больше напора и терпения, наша жизнь была бы совсем другой!

– Не откладывай назавтра, то, что можно сделать сегодня! – эта пословица подходила к тому моменту. Куй железо пока горячо! Все точно! И еще, бей лапками по молоку до последнего, как лягушка из сказки.

Но, наверное, это была судьба. Папа не добился встречи с режиссером, который его предупредил о том, чтобы он был понастойчивее, когда придет в Москву. Ему говорили, что сейчас режиссер занят, сейчас он принять не может... И папа не дошел несколько метров до своей другой судьбы. Он плюнул, и вернулся в Тулу, где работал в ТЮЗе.

В ТЮЗе зарплату платили облигациями, еда была по карточкам, и маленький Вовочка родился слабеньким, прожив всего дней десять. Мама тоже была очень слабой. У нее было малокровие и совсем не было сил. Отец пошел попросить помощи у директора театра, но тот помочь не собирался. Он еще и наорал на отца. Тогда папа сказал, что уволится из театра.

– Ты мне билет на стол положишь! – заорал директор.

– Пожалуйста, – сказал папа. И бросил его.

Поэтому о получении назначения в Московский театр теперь можно было только мечтать. Папе сначала дали назначение в Котлас, где было жить так же сложно, потом в Козьмодемьянск, куда мама уже побоялась ехать и осталась в Ильинке.

И тогда они поссорились окончательно. А потом родилась я...

– Все, все, все, устали, вот вам по конфете и идите играть, – сказала тетя Вера.

Конфета быстро прыгнула в рот к Виталику и также быстро проглотила. Я положила конфету в кармашек и потом откусывала по кусочку, потому что много сладкого сразу я съесть не могла. А по кусочку, когда хочется!

Павлик поднялся, и пошел заниматься мебелью, а Вера с Надей еще сидели и разговаривали.

– Надь, Люся у тебя такая хитрая, наш Виталек будет глупый. Вон как Люсенька хорошо говорит, а наш!

– Он еще маленький, научится. И тоже будет отличник! – сказала мама. Но, Люська у меня профессор. Так чисто говорит и все соображает. В полтора года!

– Виталек наш, правда, очень музыкальный. Ты заметила, как он всегда музыку слушает?

– А что, у нас все талантливые. Может, он музыкант будет. Как выйдет, как сыграет на скрипке! – улыбнулась Надя, представив Виталика на сцене.

– Витальку нужно в санаторий отдать, там его подкормят и полечат. Ему, наверное, витаминов не хватает. Худющий такой, весь зелененький. Одни глаза, – сказала Вера, сделав серьезное лицо.

– Красивенький, но одни косточки. Вер, но я бы в санаторий Люсеньку не отдала. Я боюсь.

– Ему там хорошо будет! Там лес, воздух, и кормят хорошо. Здоровья наберется! И наших скандалов не видеть будет. Пашка, как трезвый, так золотой человек, как выпьет – дураком делается.

– Да знаю я, Вер. Делай, как хочешь!

Мама с тетей Верой смотрели на фотографии, которые были сделаны в яслях. Виталик стоял в штанишках с перекладками и держал собачку. Он улыбался доверчивой улыбкой. И был больше похож на свою тетю Надю, чем на маму.

А я стояла с букетом цветов, в платье с большим воротником. И мое пятнышко на пальчике было видно.

Я помню, как нас по очереди несли на руках на одно и то же место около беседки с синим выюнком, давали в ручки один и тот же букет, который уже растрепался, и мы позировали.

Я стояла в очереди и с нетерпением ждала своего часа. Фотографировали нашу ясельную группу. Вот Саша, теперь Оля... дальше шла моя очередь. Я подошла к месту фотографии и протянула руки к букету...

Но, заведующая принесла своего ребенка. Отодвинув меня, она забрала у меня букет, отдала его сыну и поставила его перед фотографом. Потом поставили ребенка медсестры, потом ребенка воспитательницы. А я так и стояла отодвинутая в сторону.

– Я же маленькая! Разве можно обижать маленьких? Почему же вы не понимаете, что я могу заплакать? – думала я.

Я никому не была нужна. И мамы не было рядом. Но, я старалась не плакать. Я не хотела, чтобы все подумали, что мне плохо. И когда, наконец, меня пригласили, я улыбнулась так, чтобы на фотографии, я вышла веселой, и никому не было видно, как мне было обидно в тот момент. Чтобы все видели, какой я умный и воспитанный ребенок. А, кто-то понял, что обидел чудесную девочку, и им стало стыдно.

Я держала букет цветов, и он так хорошо пах и золотыми шарами и флоксами.

Сейчас, глядя на эту фотографию, я удивляюсь, сколько же мыслей пробежало у меня в тот момент. И это был первый урок несправедливости. И, может быть, тогда я научилась справляться с этой неприятностью. Потом в жизни было много таких моментов. И было горько и обидно, но я была выше и не показывала своих чувств никому. Кроме мамы!

Прощай ильинка

– Петечка приехал! – обрадовано воскликнула Вера, когда мама с папой вошли в комнату. Иди я тебя поцелую, – обняла его она.

– Здравстье – вам! – шутливо сказал папа, он любил вставлять фразы из спектаклей.

– Здравствуй, здравствуй, – медленно сказала бабушка, которая держала меня на руках.

– О, Люлька, как выросла! – сказал папа, ну иди ко мне! Надя достань вон из той сумки. Мама достала Петрушку в ярком костюме, внутрь которого можно было всунуть руку, и тогда он оживал и говорил и смеялся.

– Здравствуй девочка, – сказал Петрушка. Как тебя зовут?

– Люся, – стеснительно сказала я, потому что редко видела папу.

– Молодец, а сколько тебе лет? Знаешь?

– Полтора года, – серьезно сказала я.

– А как меня зовут?

– Папа Петя!

– Молодец! – поцеловал меня папа. – Вся в меня.

– Ты ее спроси, она тебе и песенку споет.

– Ну-ка, ну-ка!

– Капитан, капитан улыбнитесь, – спела робко я.

– Талант! Надя, доставай из сумки колбаску, сыр, пирожки, я в Уржуме купил. Попробуйте уржумскую колбасу.

– Петечка, объединение! – понюхала тетя Вера коляску связанную веревочкой.

– А где Павел, где племянник?

А, Пашка в сарае, мастерит диван, а Виталек в санатории. Уже большой, я тебе потом фотографию покажу. Сейчас мы Павлика позовем, а вы, хотите, прогуляйтесь, пока мы на стол накроем. Через двадцать минут будет все готово! Тетя Вера весело, достала скатерть, и постелила ее на стол. Петечка, правда, красиво!

– Да! – сделал одобрительное лицо папа.

На скатерти были вышиты красные маки с зелеными листьями и черной серединкой и васильки. Ниточки блестели на накрахмаленном белоснежном поле, а край скатерти был сделан в стиле ришелье.

– Я вам тоже подарю скатерть, у меня их несколько готово. Выберите себе потом.

– Ну что, Петух! Пойдем, прогуляемся по Ильинке? – предложила мама. Ей хотелось, чтобы ее увидели с мужем. – Мать! Мы Люсеньку оставим с тобой?

– Идите, идите! – махнула рукой бабушка. – А мы на вас в окошко посмотрим, да коза!?

Коза, как и кошка, была я.

– Ничего, на первое время поживем там, а в ВТО мне обещали подыскать что-то поинтереснее. Зарплата приличная, концерты будем делать, проживем, тебе еще там понравится, – сказал Папа. Подъемные, квартиру оплачивать будут, что тебе? А потом все наладится.

Так началась наша совсем другая жизнь, с переездами, с новыми знакомыми и съемными квартирами. Для меня это было большое приключение, и мне это очень нравилось.

Нравилось как мама перед поездкой стирает белье, как мы запаковываем часть вещей в посылки, которые мама обшивает белой тканью и потом помочив химический карандаш пишет на ней адрес назначения, а потом мы тащим ее на почту и там тетя взвесив наш тюк ставит на нем шоколадный штемпель.

Нравилось, сидеть в поезде и смотреть на пробегающие картины, нравилось смотреть как тетя на соседней полке ест жареную курочку, с золотистой шкуркой, нравилось выходить

на длинных остановках и покупать с папой в киоске колбаску, газировку и печенье, нравилось познавать все новое, которого в самом начале моей жизни было очень-очень много! Почти все!

Это было здорово. Поезда, вокзалы, города. Все это было частью моего детства. И я любила дорогу. В окошке проплывали разные виды. И было интересно все, даже здания складов, цистерны, грузовые вагоны. А какие красивые луга с цветами, речки и леса пробежали за окошком!

Часто поезда были ночные, но я быстро просыпалась и спокойно чувствовала себя в этих ночных переходах. Конечно, все трудное доставалось маме, а мне романтика поездов и городов.

Все места, где мы были или жили, я сравнивала с Ильинкой, и она была лучше всех этих городов. Нигде не было таких чудесных улиц-просек, нигде не было столько сосен на участках, и нигде не было, свойственного Ильинке запаха, который был запахом сосен, невидимым запахом бузины и георгинов и ароматом флоксов. Ильинка была особенным местом. И она мне снилась часто.

С папой, который был доверчив, и не дальновиден у нас случались и приключения. Нравоучений он не терпел. И выводов из жизни не делал. Он все равно всем доверял. Ведь в детстве он был детдомовцем. Где другом считался любой, кто отломил тебе от своего куска. Он судил по себе. Отец хоть был и вспыльчив, и груб иногда, но не был намеренно злым и не умел обманывать. Как бы сказали в театре – это была роль простака. В жизни.

– Какой ужас, – думала мама. – С ним можно так влететь! С его доверчивостью и безответственностью. И сказать ничего нельзя. Ничего слушать не хочет!

Однажды, отец вез нас в Уржум. Это была пробная поездка. Отцу хотелось жить вместе с нами, и он вез нас показать, как он устроился, и может маме понравится там пожить. В поезде отец разговаривал с каким-то мужчиной средних лет в соседнем отсеке. А мы с мамой сидели на деревянном сидении с чемоданами и ждали высадки.

Мама уже внутренне переживала, потому что, нам предстояла ночь на вокзале с вещами и ребенком. Нам нужно было делать пересадку на следующее утро.

– Знала бы, нипочем бы не поехала! Тащить меня с ребенком, в такую глушь! А не поедешь, скандал! Ну ладно. Ночь как-нибудь, пересидим. А, вдруг и мест то на лавочке не будет!

Мама переживала. – Одной бы ладно. Но, Люсенька? Маленькая. На руках замучаешься держать. Хорошо бы вещи в камеру хранения сдать.

Поезд подошел к платформе, и мама позвала папу.

– Петь, бери чемоданы, а я Люську. Пойдем, скорее место займем на вокзале. И билеты посмотрим. Может еще какой-нибудь поезд есть, чтобы не ночевать тут.

Но, отец, схватив чемоданы, и двигаясь к выходу, оптимистично сказал,

– Мы сейчас пойдем к моему дружку. Он нас приглашает, там и переночуем.

– Да ты что, Петька! Ты же его не знаешь совсем. Может быть, уголовник какой-нибудь. Потом оттуда не выберешься. И обворуют, и по башке стукнут!

– Ну да! – беспечно сказал папа. – Мы с ним в поезде разговорились. Хороший человек. Фронтоник! Отец тащил чемоданы вслед за приятелем.

– Нет, Петь, ты как хочешь, а я туда не пойду. Мы с Люсенькой здесь посидим. Здесь народу много, не страшно.

– Ну что ты! – разозлился отец.

Он раздосадовано опустил чемоданы. Ему очень хотелось в дом к приятелю.

– Ну ладно, я сейчас к нему схожу, Посмотрю, как он живет, а то обидится. Здесь полчаса.

– Ладно. Ты нас посади и можешь идти куда хочешь. Смотри, осторожнее, башку сломят!

– Да брось ты! Валер, ты подожди, я сейчас жену устрою.

Приятель стоял и искоса наблюдал за сценой. Взгляд был цепкий. Хамоватый. И кепка, и какая—то, настороженная постанова тела, придавали ему вид уголовника, каких было немало в то время.

Оставь деньги, – шепотом сказала мама, – пока он отвернулся. Отец вытащил из внутреннего кармана портмоне и положил его маме в сумочку.

Проехав, минут десять на автобусе, приятель потащил отца по каким-то узким улочкам и в результате ввел его в обшарпанный, дощатый серый дом. Отец вошел в комнату снял шляпу и кашне.

Грязь, не мытые стаканы. Не убранный стол.

– Чего ты со своей черемонишься?! Дал бы ей по морде! Еще баб слушать!

– Ну да! Ты меня еще будешь учить! – взерошился отец.

Ему было неприятно. Что этот новый приятель так выражается о его жене. В поезде, разговор шел на посторонние темы, и парень ему понравился.

– Ну, грубоват немного, но, что с него взять работяга! И фронтовик. Воевал! – думал он. А такого беспардонного отношения, он не любил.

– Ладно, ладно, разливай, – немного спокойнее сказал Валера. – А я сейчас за огурцами схожу, – толкнул он отца по плечу.

Отец остался один в комнате, и ему стало не по себе. И весь этот нищенский вид, и вдруг, такое грубое отношение, и эти высказывания...

Через три минуты вошли двое. Валера и еще один, постарше.

– Артист, говоришь? Ну, давай, артист, выпьем. Чего жену-то не привел?

– Чего ты меня на – ты?! – подумал отец.

Он увидел многоговорящие наколки на груди у мужчины. И фиску во рту.

– Уголовник, точно, только вышел! – понял он.

В кармане парня виднелось что-то вроде финки.

Отец понял, что попался, и все страхи, о которых предупреждала его жена, проявились наяву.

– Да ну ее! Перестраховщица. Иди, говорит, сначала посмотри. Сейчас выпьем, и я за ней съезжу. Чего на вокзале сидеть. Да еще с чемоданами! – сказал он, поднимая многозначительно брови, и делая вид, что в них кое-что ценное.

Лица мужчин подобрели.

– Зови, зови. Вон на той койке спать будут. А мы гульнем!

– Где у вас можно помочиться? Живот что-то прихватило... – отец изобразил анархиста из спектакля «Оптимистическая трагедия». Он вытащил из роли все ужимки и жаргон. И отвлекал внимание «приятелей». Он изображал довольство компанией и похожесть на этих двоих. За эту роль его превозносили в газетах и потом пригласили сниматься в фильме «Первая перчатка»

Да, вон иди на улице поссы! – мужики переглянулись и, хрустя огурцом, выпили по полстакана. Уже за дверью, отец услышал перебранку.

– Да не чемоданы, так у него карманы почистим. Там такой бумажник торчал. Морду набьем, да пьяного потом подальше выкинем. И костюмчик продать можно и часы...

Отец оглянулся, ища чего бы ему схватить тяжелое в руку. Чтобы, в случае чего, обороняться. Но, никто за ним не шел, и отец тихо-тихо вышел из второй двери, думая про себя, почти с юмором: «Ноженьки, ноженьки, спасайте мою жопоньку» побежал по узким закоулкам, наугад и, наконец, выбежал на дорогу. А там, на попутном грузовике, доехал до вокзала.

– Явился! – сказала мама. Мы уже тут переживаем. И чемоданы и Люська. Отойти нельзя.

– Да господи, сказали бы мне, я бы чемоданы ваши покараулила. И девочка бы со мной посидела. Чего терпеть-то?! Вон он туалет, за углом! – сказала какая-то гражданка, сидящая рядом.

– Надя, ну, правда! На пять минут вещи бы оставить можно. И Люльку. Безмятежно сказал отец. Чего ты!

– А где же твоя шляпа и шарф? – спросила мама, усмехнувшись на слова тетки и беспечность отца.

– Да черт с ним, сам еле вырвался! Такая дрянь, этот Валерка оказался. Шушара какая-то! Представляешь, говорит! – дай ей в морду! Зашептал отец, повернувшись к женщине спиной. А второй с финкой был...

Отец еще какое-то время был расстроен и чувствовал себя виноватым, но когда мама стала ему с точностью до мелочей рассказывать, что бы с ним было, и какой он безалаберный, быстро осек ее

– Ну, хватит! Разговорила!

– Какой ужас, – думала мама. – С ним можно так влететь! С его доверчивостью и безответственностью. И сказать ничего нельзя. Ничего слушать не хочет! Она глазами поискала милиционера, который ходил по залу ожидания, оценила обстановку, на случай, если эти уголовники вернутся. Но, никто здесь больше не появился. Или напились, или испугались, что их уже там ждут.

В Уржуме мы побыли не долго, всего мамин отпуск.

Мама никогда никому меня не доверяла, и привыкла быть бдительной. Эта черта была необходима при работе с секретными документами, такая у мамы была работа. И однажды ей это помогло.

Это сейчас внушают всем, что бдительность – коммунистический, сталинский перехлест того времени. Но, на самом деле и вредителей, и врагов социалистического государства хватало.

Как-то мама, закончив работу и, выполнив, все требования сохранности документов оделась и вышла в коридорчик рядом с бюро. Она уже хотела уходить, но решила поправить шапочку перед зеркалом, и в это время она увидела, как второй работник, который оставался под предлогом закончить работу, оглядевшись на дверь, полез в шкаф и стал доставать папки с документами, к которым у него доступа не было. Он листал и фотографировал бумаги. Мама все это видела в отражение в зеркале. В щелочку двери. А тому, второму было не видно, что за ним наблюдают. Мама вышла из кабинета тихо, чтобы не спугнуть шпиона. Она была обязана доложить о происходящем. Потом она, придя на работу, делала вид, что ничего не произошло, но, благодаря некоторому плану, этот человек был пойман с поличным, за таким же занятием. Он оказался агентом разведки другой страны. И был арестован. А маму представили к награде.

А потом рассказывала мама, что ничего в этом Сергее Николаевиче диверсанта в облике не было. Он всегда был слишком обычным. У него в столе всегда стояла банка с вареньем и он, нагнув свою лысую голову поближе к банке, ел его втихомолку во время работы. Ел так, чтобы никто не увидел, что оно у него есть, и варенье стекало от спешки и неаккуратности на руки и лицо, и он облизывал свои пальцы. А потом ставил банку, и продолжал работать. Это было противно, но как-то не по шпионски, как показывали в кино. Если бы мама вовремя не заметила, эти манипуляции с секретными документами, то подозрение могло пасть и на нее, ведь их в кабинете с доступом было только двое. Так, что неизвестно, чем бы это все кончилось в те недоверчивые времена для мамы.

На бдительность отца рассчитывать не приходилось. Отец очень легко заводил дорожные знакомства и сто раз рисковал и вещами, и жизнью. Мама ругалась с ним по этому поводу,

но, это было бесполезно. Отец нарывался. В одном месте ему чудом удалось уйти, потеряв при этом вещи. В другом, еще хлещи!

Это было в Сосновке. Я уже была побольше, мне было два года и три месяца.

Мы приехали из Ильинки в дом, где жил отец, но его дома не было. Он оставил нам записку.: «Надя, если приедешь, то знай, я в доме таком-то по улице такой-то. У нас сегодня спектакль. Ставим в Доме культуры».

Мама оставила вещи, и, взяв меня, пошла, посмотреть, где этот адрес. И если не далеко, то посмотреть премьеру – «Любовь Яровая» с отцом в роли Швынди.

Но, в это время прибежал отец, и сказал, – как хорошо, что я вас застал. Давай бегом, там нас ждет машина.

Мы с мамой сели в автобус и минут через десять были на месте.

Отец показывал всем меня и маму, и хвастался нами. Он загримировался, а мы сели в первый ряд и стали смотреть спектакль.

Я на половине заснула в кресле, а мама, тоже была очень усталая после дороги. Когда спектакль кончился, домой мы поехать не смогли, потому что был маленький банкет. Автобус с декорациями уехал, и идти по ночному городу с ребенком было сложно.

– А, подумаешь, Анна Григорьевна, такая хорошая дама, она нас устроит. Она главврач. Пospите в санатории! И меня и родителей положили спать в какой-то комнате, с двумя кроватями. Похоже было на больничную палату. Но, после такого тяжелого дня все заснули.

Утром отец, сказал, – вы погуляйте здесь парк, красиво. А я сейчас поговорю с Николаем Викторовичем и приду.

Мы вышли с мамой во двор и пошли по дорожке. Вокруг была травка и клумбы. А за оградой какие-то люди в халатах гуляли по парку. Кто хромал, кто сидел на лавочке перевязанный. Кто-то бегал по траве, выделявая невероятные прыжки. Там стояли молодые прыщавые девушки.

– Может это дом сумасшедших, подумала мама, и замедлила шаг. Навстречу к ограде шла какая-то женщина, и платок у нее был повязан, уж очень нависая на лицо.

– Что это за больница? – спросила мама у женщины.

Та остановилась и вдруг отодвинула платок с лица и засмеялась беззубым ртом. Носа у нее не было!!!

В Саратове в наш поезд, в окно кинули камнем.

– Бандиты! – сказала мама. Послышался свист милиционеров, а я испугалась, что бандиты войдут к нам в вагон.

– Нет, Люсенька, не бойся, их уже в милицию забрали, – успокоила меня мама. Но, я долго смотрела на уплывающий вокзал и переплетение рельсов, боясь, что прибегут другие хулиганы и бросят снова камень. Это была первая встреча с опасностями жизни.

В Сосновке, произошел драматичный случай, который сыграл роль в нашей жизни. Сын хозяйки, у которой мы снимали квартиру, стащил из нашей кастрюли щи, налив в них сырой воды и бросив туда объединенную наполовину кость. К вечеру они прокисли. Эти щи мама сварила на последние деньги, и есть теперь было нечего, и на следующий день такой же кусочек мяса, купить было не на что. Папа закатил скандал маме, за то, что она не проследила, потом устроил скандал хозяйке. И нам стало очень плохо. Мама сидела и плакала, не представляя где теперь ей взять еду. Я орала, потому что хотела есть, и ничего не понимала, а отец пошел на разговор с директором театра, который уже несколько месяцев не выдавал зарплату, заменяя ее облигациями. Ситуация была безвыходной. Мы с мамой заболели.

Нас спасла бабушка Маша. Она приехала в Сосновку и, купив свежих огурцов, быстро засолила их с укропом и чесноком. И продала их на рынке. А малосольные огурцы сто-

или дороже! У нас появились деньги, и это было спасение. Мы собрали вещи и уехали из Сосновки. И снова жили в Ильинке, у бабушки.

Но, наступил 1951 год и папе дали назначение в Лукоянов, где ему обещали квартиру месяца через три. Он перевез туда наши вещи, и когда устроился и получил первую зарплату, вызвал нас к себе.

1949—1951

ЛУКОЯНОВ

Зима, крестьянин, торжествуя

Паровоз, подъезжая к вокзалу, издал протяжный гудок, колеса его стали стучать медленнее, медленнее, и наконец, состав остановился, отчего пассажиры, и мы с мамой, немного покачнулись на своих сидениях. Мама уже была готова к выходу. Одной рукой она держала меня, а другой чемодан и сумочку. Проводница открыла вагон, и мама спустила меня на платформу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.